

ПОНТИЙСКОЕ ПИРАТСТВО

Проблема пиратства на Эвксинском Понте имеет важное значение при изучении широкого круга вопросов, связанных с экономическими взаимоотношениями античного Причерноморья: черноморской навигации, торговых путей, развитием экономических связей и т. д. Пиратство, под которым мы разумеем как собственно морской разбой, так и прибрежный, являлось важным фактором в экономической жизни Причерноморья, как и всего античного мира, и неоднократно привлекало внимание исследователей. Не считая здесь нужным специально останавливаться на историографии вопроса, отметим лишь две недавно опубликованные работы М. К. Трофимовой, посвященные эллинистическому пиратству преимущественно Восточного Средиземноморья, в которых читатель найдет достаточно полную и развернутую оценку работ предшественников¹. Понтийское пиратство до сих пор не было темой специального исследования, хотя оно, как справедливо замечает М. К. Трофимова, безусловно заслуживает этого². Даже в специальных трудах, посвященных античному морскому разбою, таких, как работы Ормерода, Цибарта и др.³, о черноморском пиратстве содержатся лишь отрывочные и далеко не полные данные.

Для понтийского пиратства, как и античного пиратства вообще, характерна его двойственная роль в экономической жизни, в частности в развитии экономических связей. К. Маркс в «Капитале» неоднократно отмечал значение морского разбоя как важного источника пополнения рынка рабов и развития торгового капитала у торговых народов древнего мира⁴. Это в полной мере относится и к понтийскому району. Но вместе с тем пиратство было и одной из главных помех торговому мореплаванию по Черному морю, нарушавшей экономические связи и коммуникации Причерноморья. Именно эта сторона пиратства главным образом и интересует нас в настоящей статье.

На Черном море в различных районах существовало несколько очагов пиратства, где морской разбой стал своеобразной традицией некоторых отсталых в социально-экономическом развитии племен, постоянным их занятием на протяжении веков. Временами пиратство здесь приобретало столь угрожающий характер, что вынуждало власти крупнейших припонтийских государств к принятию решительных военных мер к его пресечению. Вместе с тем следует отметить, что понтийское пиратство до периода поздней античности было явлением локальным: пираты из Черного моря никогда не выходили через проливы в Средиземное⁵.

Наиболее древнее свидетельство о грабеже кораблей на Понте относится к весьма раннему времени. В одном из приписываемых Архилоху эподов⁶ рассказывается

¹ М. К. Трофимова, Из истории эллинистического пиратства, ВДИ, 1963, № 4, стр. 53—74; она же, Пиратство в Восточном Средиземноморье в III в. до н. э., в кн. К. К. Зельин, М. К. Трофимова, Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период, М., 1969, стр. 188—240.

² Трофимова, Из истории ..., стр. 59, прим. 13. Во второй работе автор уделяет значительное внимание анализу данных о черноморских пиратах.

³ Н. А. Огмерод, Piracy in the Ancient World, L., 1924; E. Ziebart, Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland, Hamburg, 1929.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 24, стр. 544; т. 25, ч. 1, стр. 364.

⁵ M. Rostovtseff, SEHW, 1, стр. 196.

⁶ Anthologia Lyrica Graeca, ed. E. Diehl, fasc. 2, Lpz, 1952, стр. 34—35, fr. 79a; A r c h i l o c h o s, Neue kommentierte Gesamtausgabe, griechisch und deutsch, ed. M. Treu, München, 1959, стр. 76 сл. и 224 сл. См. также Хр. М. Данов, Към историческия облик на древна Тракия, I. ГСУИФФ, 40, 1943—44, стр. 8; она же, Древна Тракия, София, 1969, стр. 414. Вопрос о принадлежности стихотворения Архилоху спорен. Ряд исследователей приписывает его Гиппонакту. См. M. J. Finley, The Black Sea and Danubian Regions and the Slave Trade in Antiquity, «Klio», 40, 1962, стр. 64, прим. 1; Т. Д. Златковская, Возникновение государства у фракийцев. VII—V вв. до н. э., М., 1971, стр. 146 и прим. 240. В последних французских изданиях Архилоха и Гиппонакта рассматриваемый эпод исключается из числа произведений Архилоха (A r c h i l o c h o s, Fragments. Texte établi par F. Lasscre, traduit et commenté par A. Bonnard, P., 1958, p. XCI) и включается в издания Гиппонакта (M a s s o n,

о грабеже фракийцами судов, терпевших бедствие у Салмидесса (совр. Мидье), о захвате в рабство потерпевших кораблекрушение⁷. Сведения Архилоха о салмидесских пиратах подтверждаются и данными позднейших авторов (Ксенофонт, Страбон)⁸, из чего можно заключить, что здесь существовал традиционный очаг пиратства на протяжении очень длительного времени. Правда, в строгом смысле слова грабительская деятельность салмидесских фракийцев (астов) не была пиратством — морским разбоем, так как, судя по источникам, сами грабители никогда не выходили в море и не были, таким образом, морскими разбойниками, а лишь нападали на потерпевшие бедствие корабли, выбрасываемые на берег, т. е. занимались прибрежным разбоем, однако, поскольку их действия так или иначе были связаны с морем, они, как кажется, с полным основанием могут квалифицироваться как пираты⁹.

Ко времени Ксенофонта (рубеж V и IV вв. до н. э.) этот прибрежный разбой фракийцев у Салмидесса продолжал существовать в том же виде, что и за несколько столетий до него, но он приобрел уже вполне «организованные» формы. В «Анабасисе» (VII, 5, 13) рассказывается, что побережье у Салмидесса было фракийцами размежевано столбами на участки и добычей каждого считались корабли, выбрасываемые морем на его участок. «Рассказывают даже, — добавляет Ксенофонт, — что до размежевания многие из них (фракийцев. — И. Б.) гибли, убивая друг друга при грабежах».

Весьма интересные сведения о «пиратской» деятельности фракийцев в районе Истрии содержатся в найденном еще в 1930 г. при раскопках Истрии, но опубликованном лишь недавно декрете в честь Агафокла сына Антифила, датированном началом II в. до н. э.¹⁰ В декрете трижды упоминаются пираты: в сткк. 9—10 говорится о многих

Les fragments du poète Hipponax, P., 1962). Напротив, немецкие издатели (Э. Диль, М. Трой) настойчиво продолжают его считать принадлежащим Архилоху.

Вопрос о том, является ли интересующий нас эпод произведением Архилоха или Гипноакта, имеет весьма важное значение, ибо в первом случае содержащиеся в нем сведения должны быть отнесены к середине VII в. — времени расцвета творчества Архилоха (новую литературу о дате жизни Архилоха см. З л а т к о в с к а я, ук. соч., стр. 147, прим. 241), во втором же — на столетие позже: к середине VI в. до н. э. Т. Д. Златковская (ук. соч., стр. 146, прим. 240) на основании употребления в стихотворении термина *δοδύλον ἄρτον*, который не характерен для лирической поэзии VII в., а скорее мог быть применен в VI в., также склоняется к тому, что автором скорее мог быть Гипноакт, чем Архилох. Отметим со своей стороны, что с точки зрения исторической ситуации на Черном море также VI в. следовало бы предпочесть VII в.: в середине VII в. плавания греков вдоль западных берегов Понта только еще начинались и были, по-видимому, еще слабо развиты. Поэтому фракийский берег Черного моря едва ли был детально известен греческим мореплавателям, а тем более «широким кругам» греческого общества, и ситуация, описанная в эподе, едва ли могла быть характерной. Между тем в середине VI в., когда Западное и Северо-Западное Причерноморье было прочно освоено греками и плавание вдоль этих берегов было и регулярным и весьма оживленным, вся изменившаяся в корне ситуация была вполне подходящей для того, чтобы грабеж терпящих бедствие греческих кораблей стал характерным и выгодным промыслом фракийских пиратов. Но как бы ни был решен вопрос об авторстве Архилоха или Гипноакта, интересующий нас эпод остается древнейшим свидетельством о черноморском пиратстве.

⁷ Ср. Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 17, где это стихотворение получило несколько вольное и, как представляется, не соответствующее контексту толкование: автор привлекает его для иллюстрации тезиса о том, что проникновение греков во Фракию встречало ожесточенное сопротивление со стороны фракийцев. Сражения между ними, пишет Т. В. Блаватская, часто оканчивались поражением греков, и греческие войны, попадаящие в плен к фракийцам, становились рабами.

⁸ Xen., Anab. VII, 5, 12 сл.; Strabo, VII, 6, 1. Сведения Ксенофонта приведены и Диодором (XIV, 37, 2—3).

⁹ В классическом труде Цибарга, в котором данные о понтийских пиратах вообще крайне отрывочны и неполны (стр. 22—23), упоминание о деятельности салмидесских фракийцев вообще отсутствует.

¹⁰ S. L a m b r i n o, Décret d'Histria en honneur d'Agathocles, «Revue des Etudes Roumaines», V—VI. P., 1960, стр. 180 сл.; «Historia», XI, 1962, стр. 18 сл. См. также D. M. P i p p i d i, Histria și geții în sec. II î. e. n. Observații asupra decretului în cinstea lui Agathocles, fiul lui Antiphilos, «Studii clasice», V, 1963, стр. 137 сл., где даются дополнительные восстановления текста; D. M. P i p p i d i, D. V e r s i u, Din istoria Dobrogei, I. Geții și grecii la Dunărea de jos, București, 1965, стр. 228 сл.

фракийцах (Θρακιῶν οὐκ [ὀλι]γῶν), совершавших пиратские нападения (πειρατεῦσ[όν]των) на хору Истрии и сам город; в сткк. 20—21 — о возвращении пиратами угнанного прежде скота ([τὰ κτή]ν[η] τὰ πρ[ὸ]τε[ρ]ῶν ὑπ[ὸ] πει[ρ]ατῶν σ[υν]απ[η]γμένα τῶ[ι] δῆμῳ ἀποδοβ[ν]αι...) ¹¹ в стк. 37 — о сборище множества пиратов (συναγωγὴν... [πειρ]ατῶν πλειό[ν]ων). Хотя в приведенной надписи термин «пираты» или его производные встречается трижды, это не дает еще достаточных оснований связывать пиратские набеги фракийцев, о которых идет речь, с морским разбоем, как это делает М. К. Трофимова ¹². Известно, что в древности в отличие от современного понимания термин «пиратство» (πειρατεῖα) вовсе не обязательно был связан именно с морским разбоем, а употреблялся в равной мере и при описании разбоя на суше (там же, стр. 203, прим. 29). Судя же по контексту декрета в честь Агафокла, в котором море не упоминается, зато, по-видимому, говорится об угоне скота «пиратами» и т. д., здесь скорее речь идет о грабительских набегах варваров, осуществлявшихся по суше и не имеющих ничего общего ни с морским разбоем, ни с прибрежным ¹³.

Наиболее подробный рассказ о пиратстве на Черном море сохранился у Страбона (XI, 2, 12) ¹⁴. Он повествует о морском разбое, которым жили обитавшие на восточном берегу Понта южнее Синдики племена ахеян, зигов и гениохов. О том, что эти племена занимались пиратством еще задолго до Страбона, свидетельствует заметка Аристотеля в «Политике» (VIII, 4, 4), где содержится прямое указание на разбойничий образ жизни (λῆστροικί) ахеян и гениохов и вместе с тем отмечается, что храбростью они не отличаются. Их пиратская активность была, очевидно, чрезвычайно велика и представляла опасность не только для близлежащих районов, но и в масштабе всего Черного моря. Овидий в одном из своих «Писем с Понта» ¹⁵ пишет, что, хотя гениохы и ахеяне свободно бродят по правой, т. е. восточной и южной стороне Понта, они тем не менее не оставляют в безопасности и западного берега. Здесь мы имеем ценное указание на весьма далекие рейды пиратов, отправлявшихся за добычей на многие сотни миль. И хотя это свидетельство относится к первым годам нашего летосчисления, едва ли имеются серьезные основания для отрицания большой вероятности того, что таким же положение было и в значительно более раннее время, вероятно еще в IV в. до н. э. К такой мысли склоняет не только приведенное выше свидетельство Аристотеля, но и известное сообщение Диодора (XX, 25) о борьбе боспорского царя Эвмела с пиратами, среди которых названы и гениохы и ахеянами. Для Боспора в IV в. до н. э., надо полагать, особую важность представляла безопасность торговых путей, связывавших порты государства с их главными торговыми партнерами — городами Средиземноморья и Южного Причерноморья. А эти коммуникации пролегали не вдоль Кавказского берега, а в центральной и западной части Черного моря.

Из рассказа Страбона мы узнаем, что для своих разбойных нападений восточно-понтийские пираты пользовались сравнительно небольшими узкими и легкими ладьями, вмещавшими 25, редко до 30 человек, которые греки называли камарами ¹⁶. Как пишет Страбон, эти пираты не ограничивались нападениями на торговые суда,

¹¹ Восстановление Д. М. Пишиди (ук. соч., стр. 143).

¹² З е л ь н, Т р о ф и м о в а, ук. соч., стр. 202, прим. 27.

¹³ С р. П. О. К а р ы ш к о в с к и й, Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э., ВДИ, 1971, № 2, стр. 40 сл.

¹⁴ Подробный разбор текста Страбона с разных точек зрения (типологический разбор, датировка, источники и т. д.) дан во втором исследовании М. К. Трофимовой.

¹⁵ O v i d., Ex Ponto, IV, 10, 29—30.

¹⁶ Этим названием лодки были обязаны своему своеобразному внешнему виду (καμάρα по-гречески означает «крытая повозка со сводчатым верхом», «сводчатая комната»). Подробное описание камар и их навигационных качеств сохранилось у Тацита (Т а с., Hist. III, 47), который в связи с рассказом о восстании Анкета сообщает, что это были корабли с узкими высокими бортами и расширяющимся ко дну корпусом; при их сооружении не пользовались металлическими (медными или железными) скрепами. При бурном море и высокой волне борта камар наращивались досками, которые образовывали нечто вроде крыши (отсюда, очевидно, и название судов), и защищенные таким образом от непогоды корабли легко маневрировали. Грести на камарах можно было в любую сторону, поскольку у них были одинаковые острые носы с обеих сторон; это же позволяло безопасно и быстро причаливать к берегу любым концом. Эти

по совершали набеги и на прибрежные местности и даже города¹⁷ и были господами моря (*θαλαττοκρατοῦσι*). По возвращении из грабительских походов, за неизменением гаванных стоянок, они уносили свои камары в леса, а при очередном пиратском рейде вновь сносили их к берегу. Таким же образом поступали они и при набегах на чужие страны: прятали свои камары в хорошо восточных им лесистых местах, а сами бродили по стране, охотясь за людьми. Рейды восточнопонтонских пиратов в чужие страны главным образом и совершались ради захвата людей (*ἀνδραποδισμοῦ χάριν*). Пленников они охотно предлагали возвращать за выкуп, извещая об этом их родственников по отплытии. Невыкупленных пленных продавали в рабство, в первую очередь, вероятно, на Боспор как наиболее близко расположенное от них развитое рабовладельческое государство. Можно полагать, что именно этим объясняется то обстоятельство, что владетели Боспора¹⁸ (*οἱ τῶν Βοσπορῶν ἔχοντες*), бывало, даже оказывали содействие пиратам — предоставляли им корабельные стоянки и рынок для сбыта награбленного¹⁹.

Вместе с тем Страбон сообщает и об активной борьбе с этими пиратами, указывая, что часто правители (у Страбона они названы гегемонами — *ἡγεμόνων*) самостоятельных (не подчиненных Риму. — *И. Б.*) областей (*ἐν τοῖς δυναστευομένοις τόποις*) сами нападали на пиратов, захватывали их камары и приводили назад вместе с людьми, оказывая таким образом помощь жертвам насилия. Что же касается областей, подвластных Риму, то они, по словам Страбона, более беспомощны ввиду нерадения посылаемых туда наместников. В число «гегемонов», ведших активную борьбу с пиратами, несомненно, входили и боспорские правители²⁰. Однако в целом борьба с морским разбоем

же качества, добавим от себя, позволяли быстро отчаливать от берега в случае бегства, а также уходить от преследования в открытом море, что, надо полагать, имело для пиратов весьма немаловажное значение.

¹⁷ Плиний (NH, VI, 15) сообщает, что гениохами был разграблен Питиунт, который он характеризует как «богатейший город» (*oppidum opulentissimum*). Скорее всего это относится ко времени, близкому написанию труда Плиния (около середины I в. н. э.). Однако ввиду крайней сложности выяснения источников Плиния для каждого конкретного сообщения (известно, что они многочисленны и разновременны, см. M. R o s t o w z e w, *Skythien und der Bosporus*. В., 1931, стр. 46 сл. особенно стр. 50 сл.), не исключено, что разграбление Питиунта относится к более раннему времени.

¹⁸ Принимаем здесь перевод В. В. Латышева указанного выражения — «владетели Боспора», принятый также С. А. Жебелевым, К. М. Колобовой (см. ниже) и др. Возможно и несколько другое понимание приведенных слов: Ф. Г. Мищенко и Г. А. Стратановский переводят их «жители Боспора» (этот перевод принимает М. К. Трофимова в своей новой работе). К сожалению, нельзя привести решающих аргументов в пользу какого-либо из этих переводов, поскольку глагол *ἔχειν* может в равной степени означать и «обладать» и «обитать». Между тем однозначный перевод в данном случае имел бы очень важное значение, так как от него зависело бы определение «оснащенной базы» пиратов на Боспоре. Мы предпочитаем перевод В. В. Латышева, полагая, что именно боспорские цари и их окружение как крупнейшие рабовладельцы в государстве были более всего заинтересованы в приобретении рабов любым путем.

¹⁹ К. М. Колобова (К вопросу о судовладении в древней Греции, ИГАИМК, 61, 1933, стр. 89 сл.) на основании сообщения Страбона высказала предположение, что боспорские цари «временами входили в соглашение с пиратами, устранивая для них особые гавани и скупая награбленный товар», и что «среди родовитых боспорских кушцов» существовало «узаконенное пиратство». Против этих предположений выступал еще С. А. Жебелев (Фигас навклеров в Горгишии, ИГАИМК, 104, 1935 = СП, стр. 214, прим. 2), указав, что Страбон говорит лишь о том, что боспорское правительство смотрело на торговлю пиратами награбленным добром сквозь пальцы. Соглашаясь с критикой трактовки К. М. Колобовой, укажем, однако, что С. А. Жебелев, как представляется, несколько смягчает смысл свидетельства Страбона, который прямо говорит о содействии (*προσλαμβάνουσι*), пусть косвенном, боспорских владетелей пиратам.

²⁰ Едва ли можно согласиться с М. К. Трофимовой, противопоставляющей «земли, управляемые династами» (*δυναστευομένοι τόποι*) — Боспору, а гегемоны этих местностей — *οἱ τῶν Βοσπορῶν ἔχοντες* (Пиратство в Восточном Средиземноморье ..., стр. 206). В глазах Страбона Боспор и его правители, безусловно, попадали именно в эту категорию стран и властителей, отличных от тех и противоположных тем, которые находились под римским управлением. Это следует с полной определенностью из контекста, в котором содержится прямое противопоставление самостоятельных областей (*οἱ δυναστευομένοι τόποι*), управляемыми римлянами (*ἢ δ' ὑπὸ Ῥωμαίων*), но никак не Боспору.

в это время была, очевидно, малоэффективной, поскольку пираты оставались господами моря. Успешная борьба с пиратством, его решительный разгром и ликвидация были невозможны в первую очередь в силу того, что оно было естественным порождением социально-экономических отношений античного мира²¹. А в рассматриваемое время (поздний эллинизм) она затруднялась еще крайне сложной политической обстановкой в Причерноморье.

Пиратство на Понте было одним из важных источников рабства в античных государствах Причерноморья²², и поэтому оно в определенных условиях находило поддержку, пусть пассивную, заинтересованных сторон. В целом же, особенно в периоды расцвета торговых связей Причерноморья, морской разбой был, очевидно, столь опасным бичом, что против него предпринимались крупные государственные акции.

Особенно прославился борьбой против пиратов боспорский царь Эвмел в конце IV в. до н. э. Как пишет Диодор (XX, 25), он повел войну против гениохов, тавров и ахейн и очистил море от разбойников (*καθάρων ληστών ἀπέδειξε τὴν θάλατταν*), за что был прославлен не только в собственном государстве, но и почти во всем мире благодаря молве, разнесенной кушцами. При этом следует подчеркнуть, что речь идет о довольно кратковременном отрезке времени, в течение которого Эвмел правил Боспорским государством.

Всеми исследователями признано, что в основе сведений о боспорских делах, сообщаемых Диодором в его «Библиотеке», в конечном счете лежит труд хорошо осведомленного местного историка, современника описываемых событий, жившего и действовавшего на Боспоре или в Херсонесе. Детальному анализу этой части труда Диодора посвящено обстоятельное исследование В. В. Струве²³.

В. В. Струве убедительно показал, что Диодор, переписывая в свое сочинение сведения из труда историка Боспора, внес в него ряд сокращений, опустив многие подробности, не представлявшие для него интереса. Это касается и пассажа о борьбе Эвмела с понтийскими пиратами²⁴. Более подробно в источнике Диодора говорилось, вероятно, о таврах, упоминание о которых содержится и в другом месте труда Диодора (III, 43, 5), где сообщается, что набатейские арабы нападают на торговые корабли «с тем же насилием и жестокостью, как тавры Понта». Это сравнение показывает, что по крайней мере о таврах источник Диодора сообщал такие подробности, которые последний опустил²⁵. Во всяком случае несомненно то, что рассказ Диодора о событиях, связанных с правлением Эвмела на Боспоре, восходит к надежному источнику и заслуживает полного доверия.

Что же касается заключительных строк рассказа о деятельности Эвмела на пользу понтийских городов, то, как отмечал еще Цибарт, текст Диодора звучит здесь так, как будто он является извлечением из какого-то официального почетного декрета в честь Эвмела²⁶.

О предшествовавшей времени правления Эвмела борьбе с пиратством на Черном море сведений не сохранилось. Однако можно не сомневаться, что борьба эта велась

²¹ А. Б. Р а н о в и ч. Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 242.

²² В. Д. Б л а в а т с к и й, Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья, СА, XX, 1954, стр. 43 сл.

²³ В. В. С т р у в е, Древнейший историк СССР, сб. «Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии», Л., 1968, стр. 147 сл. Там же см. различные точки зрения современных исследователей по рассматриваемому вопросу. В противовес М. И. Ростовцеву, С. А. Жебелеву, В. Ф. Гайдукевичу, Д. П. Каллистову, считающим этот исторический труд инспирированным самим Эвмелом или кем-либо из его прямых потомков или даже трудом боспорского придворного историографа (Каллистова), В. В. Струве полагает, что этот древнейший историк СССР был скорее связан с Херсонесом и критически настроен по отношению к боспорскому правящему дому.

²⁴ С т р у в е, ук. соч., стр. 152 сл.

²⁵ Там же.

²⁶ Z i e b a r t h, ук. соч., стр. 23; ср. Chr. D a n o f f, Pontos Euxineus, RE, Supplbd. IX, 1962, стб. 1145 сл.

с давних пор. Возможно, и Понтийская экспедиция Перикла отчасти преследовала эти цели²⁷.

Большую помеху торговому мореплаванию у южных берегов Крыма представляло пиратство тавров²⁸, о котором сообщает еще Геродот (IV, 103), описывая жестокость, с какой тавры обращаются с греками, потерпевшими кораблекрушение у их берегов или захваченными в открытом море²⁹. Из слов Геродота можно заключить, что у тавров нашли распространение обе формы пиратства — и морской и прибрежный разбой³⁰. Центром разбоя тавров был район вблизи Херсонеса. Здесь, возле «гавани с узким входом» — Символом лимен (совр. Балаклавская бухта), как сообщает Страбон (VII, 4, 2), они чаще всего устраивали свои разбойничьи засады и нападали на корабли, спасавшиеся от непогоды в эту закрытую от бурь и ветров бухту. Опасность для торгового мореплавания была здесь особенно велика, так как именно к их берегу подходили торговые суда, пересекавшие Понт от Пафлагонского выступа по краткому меридиональному пути, здесь проходила наиболее оживленная трасса понтийской морской торговли. И, конечно, не случайно поэтому энергичную борьбу с ними, как сказано, погел Эвмел. Можно полагать, что боспорский царь нанес таврским пиратам сокрушительный удар, который надолго если и не прекратил полностью, то во всяком случае существенно ослабил их разбойничью деятельность. В этом отношении, как кажется, показательно, что Страбон говорит о морском разбое тавров в прошедшем времени (*τὰ ληστῆρια συνίσταντο*) в отличие от аналогичной деятельности кавказских пиратов (*Zḗσι τῆ ἐπὶ τῶν κατὰ θάλατταν ληστῆρων*). Едва ли приходится сомневаться в том, что и Херсонес боролся с пиратской деятельностью тавров, хотя прямые указания на это в источниках и отсутствуют. М. И. Ростовцев, основываясь на одной дельфийской надписи (Syll.³, 604), о которой речь впереди, пришел к убедительному заключению, что Херсонес по крайней мере зорко следил за таврскими пиратами и был о них хорошо информирован³¹. Постоянные враждебные отношения между Херсонесом и окрестными таврами косвенно подтверждаются и археологическими данными: полным³² или почти полным отсутствием следов экономических связей между ними³³.

Другим племенем, занимавшимся морским разбоем, были сатархеи (или сатархи), жившие на севере Крымского полуострова выше тавров³⁴. Помпоний Мела (II, 10)

²⁷ И. Б. Брашинский, Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э., М., 1963, стр. 59.

²⁸ Отрицание А. Б. Рановичем (ук. соч., стр. 275, прим. 1) существования таврских пиратов в Крыму основано, очевидно, на недоразумении.

²⁹ О жестокости тавров сообщают и многие другие античные писатели; см., например, Р о м р. М е л а, De Chorogr. II, 11; D i o d., III, 43, 5, где сравнивается жестокость набатейских пиратов с таврами; А т т. М а г с., XXII, 8, 33.

³⁰ О пиратстве тавров и его отличительных чертах в связи с крайне низким уровнем их социально-экономического развития см. Т р о ф и м о в а, Пиратство в Восточном Средиземноморье..., стр. 206 сл.

³¹ M. R o s t o v t s e f f, SENHW, II, стр. 676.

³² См. А. Ц. Т ю м е н е в, Херсонесские этюды, III. Херсонес и местное население: тавры, ВДИ, 1949, № 4, стр. 81.

³³ П. Н. Шульц, О некоторых вопросах истории тавров, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 247; А. М. Л е с к о в, Горный Крым в I тысячелетии до н. э., Киев, 1965, стр. 183.

³⁴ Р о м р. М е л а, De chorogr. II, 4. В. В. Л а т ы ш е в (Scythica et Caucasia, карта Pontus Euxinus et Caucasus aetate Romane) помещает сатархеев вдоль крымского побережья Азовского моря. Здесь же, вслед за ним, локализует их и Э. И. Соломо́нчик (Эпиграфические памятники Неаполя скифского. Нумизматика и эпиграфика, III, 1962, стр. 39). Однако, судя по тексту Помпония Мелы, сатархеи обитали на территории между Гнилым морем (Сивашем) и Каркинитским заливом и могли, следовательно, иметь выход как в Азовское, так и в Черное море. Ср. А. Н. Щ е г л о в, О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху, ВДИ, 1966, № 4, стр. 146 сл., а также R o s t o w z e w, Skythien und der Bosporus, стр. 44 сл.; С. А. Ж е б е л е в, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, Северное Причерноморье, М. — Л., 1953, стр. 98, прим. 3. Упоминания о сатархах см. также P l i n., NH, IV, 85; V a l. F l a c., Argon. VI, 144; P t o l., III, 6,5 — город Σατάρχη; Домитий Каллистрат у Стефана Византийского, см. S t e p h V u z., s. v. Τάρραι. Судя по Плинию (VI, 22), сатархи поселились в Крыму, придя туда с Допа. См. R o s t o w z e w., Skythien und der Bosporus,

говорит, что сатархи, незнакомые с золотом и серебром, занимаются меновой торговлей. Об их пиратстве ни Мела, ни другие античные авторы не сообщают ничего; сведения о ней сохранились лишь в надписи Посидея из Неаполя скифского³⁵.

Надпись является посвящением в честь Ахилла «владыки острова», очевидно, Левки (совр. о-в Змеиный), Посидея, сына Посидея в благодарность за победу над «пиратствовавшими сатархеями» (*Σαταρχαίους... πειρατῶσαντ[ας]*). Нас в данном случае не интересуют детали восстановления текста утраченной части надписи³⁶, хотя разные варианты ведут к несколько различному толкованию акций сатархов — существа дела они не меняют. Несомненным остается факт, что сатархеи в надписи прямо названы пиратами. В. В. Латышев датировал надпись, как и прочие надписи Посидея из Неаполя и Ольвии, II или концом III в. до н. э. (IOSPE, I², 77).

И. И. Толстой³⁷ привлек рассматриваемую надпись для истолкования другой — почетного декрета ольвиополитов, — найденной на острове Левке и повествующей о борьбе с пиратами, грабившими, или ограбившими, остров³⁸, сопоставив их с сатархеями. Если согласиться с этим толкованием, то окажется, что сатархеи совершали весьма далекие пиратские рейды. Но такая возможность допустима лишь в том случае, если они имели прямой выход в Черное море, т. е. если принять указанную выше их локализацию в Северном Крыму между Каркинитским заливом и Сивашем. В противном случае (если их помещать на берегу Азовского моря) пришлось бы прийти к заключению, что сатархеи беспрепятственно проникали из Азовского моря в Черное через Керченский пролив, что, как мне кажется, учитывая господство Боспорского государства на обоих берегах узкого пролива, совершенно исключено³⁹.

Вопрос о том, действительно ли сатархеи совершали грабительские рейды на Левку, неясен, хотя такие нападения вполне вероятны. Возможно, что здесь орудовали и другие черноморские пираты, например тавры⁴⁰.

Возвращаясь к надписи Посидея (IOSPE, I², 672), отметим мнение М. И. Ростовцева, согласно которому действия сатархеев, упомянутые в ней, могли относиться к грабежу судов у берегов Крыма, а не касаться посягательства на Левку⁴¹. Такое толкование представляется вполне допустимым. Мнение же Э. И. Соломоник, что речь в надписи, может быть, идет о «более частых и обычных грабежах вдоль северо-восточного берега Крыма»⁴², необоснованно и невероятно, ибо невозможно представить,

стр. 45. О сатархеях, их локализации у Перекопа и Каркинитского залива, а также связи со «слепыми» Геродота и тафриями Страбона (VII, 3, 19) см. Л. А. Е л ь н и ц к и й, Знания древних о северных странах, М., 1961, стр. 91 сл. 175 сл.

³⁵ IOSPE, I², 672. Фото с эстампажа см. С о л о м о н и к, ук. соч., стр. 39, рис. 6.

³⁶ Предложены различные варианты дополнений: *ἀνεθῆκεν* — В. В. Латышев, *τῆν νῆσον* — И. И. Толстой, *τῆν ἀκτῆν* — Э. И. Соломоник; см. С о л о м о н и к, ук. соч., 38 сл. Следует указать, что дать предпочтение какому-либо из этих дополнений трудно. Отметим, однако, что, судя по эстампажу (см. фото С о л о м о н и к, ук. соч., стр. 39, рис. 6), в третьей строке после *Σαταρχαίους* не могло стоять *νικησας*, как дополняют все издатели. После последней *сигмы* отчетливо виден остаток верхней горизонтальной *гасты*, которая скорее всего могла принадлежать *tau*; никаких же следов *но* не сохранилось.

³⁷ И. И. Т о л с т о й, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Пг., 1918, стр. 41.

³⁸ IOSPE, I², 325 — конец IV — начало III в. до н. э., по В. В. Латышеву.

³⁹ См. также Щ е г л о в, ук. соч., стр. 147

⁴⁰ М. И. Ростовцев (Новая книга о Белом острове и Таврике, ИАК, 65, 1918, стр. 190, прим. 2) высказывал предположение, что ими могли быть не крымские пираты, а карийцы. При этом он ссылаясь на надпись из Том (АЕМ, XIV, 1891, стр. 22 сл., № 50), изданную Точилеску. Это предположение, однако, должно теперь быть отвергнуто, поскольку в результате повторного исследования надписи выяснилось, что вместо предложенного Точилеску дополнения *διὰ τὰς τῶν Καρῶν περι[τ]ὰς εἰσβ[ολὰς]* следует читать *τὰς τῶν καρῶν περι[σ]τάσεις β[αρέως...]*. См. I. S t o i a n. Tomitana, București, 1962, стр. 79 сл. и особенно стр. 83. Помимо этого вообще трудно допустить, чтобы карийцы могли совершать столь далекие пиратские походы, проходя при этом через Черноморские проливы. Позднее Ростовцев писал (SEHNW, II, стр. 675) о Посидее как освободителе Левки от сатархеев.

⁴¹ Р о с т о в ц е в, Новая книга о Белом острове, стр. 190.

⁴² С о л о м о н и к, ук. соч., стр. 39.

кого же здесь могли грабить пираты, поскольку вдоль западного побережья Меотиды торговые пути вообще не пролегалли и греческих городов и поселений здесь не было.

К числу свидетельств о северопонтийском пиратстве следует, очевидно, причислить и дельфийский декрет⁴³, в котором речь идет о выкупе херсонеситами из плена дельфийских теоров, пльвших в Крым в 194 г. до н. э. Большинство исследователей склоняется к мнению, что дельфийские послы были скорее всего захвачены пиратами⁴⁴. Ими могли быть тавры или те же сатархеи. Однако ввиду некоторой неясности текста надписи настаивать на этом нельзя.

Все приведенные сведения о пиратстве у северных берегов Понта показывают, что оно представляло серьезную угрозу торговому мореплаванню, нарушало коммуникации, вследствие чего вызывало активное сопротивление заинтересованных сторон. В конце IV в. временное умиротворение пиратов было, по-видимому, достигнуто действиями Эвмела, но через некоторое время они снова активизировались, и морской разбой у северопонтийских берегов продолжался. Продолжалась и борьба с ним, о чем, в частности, свидетельствует и упомянутая надпись Посидея.

Что касается победы Посидея над сатархеями, то остается неясным, выступал ли он в качестве частного лица, хотя и достаточно влиятельного как в Ольвии, так и в скифском Неаполе, или же он был командующим флотом скифского царства Скилура. М. И. Ростовцев полагал, что лицо, в честь которого был принят декрет, найденный на Левке IOSPE, I², 325), было крупным ольвийским судовладельцем, располагавшим для охраны своих торговых транспортов военными судами, и что им мог быть Посидей⁴⁵. Это предположение, однако, никак не может быть обосновано и представляется маловероятным. Ростовцев вместе с тем указывает, что Посидей был близким человеком Скилура, если не на службе у него, и в таком случае возможно предположение, что он мог быть командующим скифским военным флотом, боровшимся с пиратами⁴⁶. К убедительному, с моей точки зрения, заключению, что со времени Скилура скифы уже имели свой военный флот, пришел Б. Н. Граков⁴⁷ на основании сопоставления неапольских надписей Посидея со свидетельством Страбона (II, 1, 16) о победе военачальника Митридата в морском сражении над скифами.

Как уже говорилось выше, к пиратству в узком (современном) смысле («морской разбой») тесно примыкала другая его форма — прибрежный разбой. Выше речь уже шла о салмидесских астах, разбойная деятельность которых протекала в течение веков⁴⁸. Против этих пиратов, судя по некоторым, правда косвенным, данным, как и на севере Понта, велась организованная борьба со стороны галатского царства в Тиле⁴⁹, которую, однако, как полагает Хр. М. Данов, нельзя переоценивать.⁵⁰ Полибий сообщает, что последний властитель галатского царства в Тиле Кавар создал полную безопасность

⁴³ Syll.³, 604.

⁴⁴ G. D a n x, Delphes au II et au I siècles, P., 1936, стр. 658 слл., там же предшествующая литература; R o s t o v t s e f f, SEHW, II, стр. 608 сл., 676. Против этого толкования после повторного исследования надписи Ж. До (ук. соч.), насколько мне известно, выступили лишь А. И. Тюменев (Херсонесские этюды, I, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 275, прим. 4) и А. Б. Ранович (ук. соч., стр. 275, прим. 4), полагающие влед за некоторыми прежними издателями надписи, что глагольной формой $\lambda\alpha\lambda\upsilon\tau\rho\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota$ здесь обозначено освобождение от расходов, а не выкуп из плена, хотя второе понимание более точно. Б. Н. Граков (Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 249) также склонялся к первому толкованию, но не отрицал и другой возможности, полагая в этом случае, что теоры могли быть захвачены таврами или сатархеями.

⁴⁵ Р о с т о в ц е в, Новая книга о Белом острове, стр. 190.

⁴⁶ С р. D a n o f f, Pontos Euxeinos, стб. 1145.

⁴⁷ Б. Н. Г р а к о в, Термин $\Sigma\alpha\tau\alpha\rho\chi\epsilon\iota$ и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, XVI, 1947, стр. 87.

⁴⁸ Хр. М. Д а н о в. Из древната икономическа история на западно Черноморие до установяването на римското владичество, ИБАИ, XII, 1938, стр. 212.

⁴⁹ Там же, стр. 214 сл.

⁵⁰ Хр. М. Д а н о в, Към историята на Тракия и западно Черноморие от втората половина на III века до средата на I век преди н. е., ГСУИФФ, 47, 1951—52, стр. 106.

для купцов, входивших с кораблями в Понт ⁵¹. Значительный интерес в этом плане представляет также найденный в 1949 г. в Несебре декрет, сохранившийся, к сожалению, лишь частично ⁵². Одни исследователи датируют его 280—270 гг., т. е. временем после смерти Лисимаха и до начала владычества галатов, и считают Садала, в честь которого он принят, одрисским династом ⁵³. Другие датируют его серединой — второй половиной III в., Садала же признают царем астов ⁵⁴, которые занимали фракийское побережье Понта между Салмидессом и Аполлонией ⁵⁵. В связи с рассматриваемыми нами вопросами эти разногласия не имеют принципиального значения, поскольку они не затрагивают существа понимания надписи. В ней помимо декрета в честь Садала сохранилась часть текста договора между Садалом и месембрийцами, в котором гарантируются интересы последних в случае, если их суда будут прибиты к берегу, находящемуся во владении Садала ⁵⁶.

По-видимому, столь же опасным для мореплавателей было и юго-западное побережье Черного моря между Боспором Фракийским и Гераклеей, занятой вифинскими фракийцами. По словам Ксенофонта (Anab. VI, 4, 2), рассказывали, что они обращались очень жестоко с греками, попадавшими им в руки. Вероятно, и здесь мы имеем дело с прибрежным пиратством. Положение оставалось таким и в середине III в. до н. э., когда вифинский царь Зиаэл (около 255—235 гг.) ⁵⁷ гарантировал безопасность и защиту греческим мореплавателям (в том числе и в случае аварий и кораблекрушений) на подвластном ему побережье. Об этом говорится в надписи, найденной на Косе ⁵⁸ Хр. М. Данов полагает ⁵⁹, что роль Зиаэла как покровителя купцов-мореплавателей на южном берегу Понта аналогична роли Эвмела и Кавара на севере и западе ⁶⁰. Однако, как кажется, такое сопоставление не вполне закономерно. Ведь в одном случае речь идет о гарантии против разбоя своих собственных подданных (Кавар, Зиаэл), а в другом — о борьбе против пиратов в открытом море, возможно и на берегах государства, но против чужеземных разбойников (Эвмел). Другое дело, что по своим результатам и значению для купцов-мореплавателей; покровительство всех трех властителей было сходным.

Как показывают даже те разрозненные и отрывочные свидетельства источников, которые до нас дошли, пиратство на Черном море было на протяжении всей античной эпохи важным фактором, непосредственно влиявшим на экономическую жизнь Причерноморья.

Действия, весьма схожие с обычным пиратством, однако глубоко различные по своим социальным корням и результатам, совершались греческим войском во время похода «десяти тысяч» вдоль южного берега Черного моря. Ксенофонт в «Анабасисе» (V, 1, 16) сообщает, что греческие наемники получили от трапезунтцев 30-весельный корабль, с помощью которого они захватывали проплывавшие у Трапезунта торговые суда. С них сгружались товары, к которым, по словам Ксенофонта, приставлялась

⁵¹ P o l y b., VIII, 22: πολλήν μὲν ἀσφαλῆσαν παρεσχεύαζε τοῖς προσπλέονσι τῶν ἐπιτορῶν εἰς τὸν Πόντον...

⁵² IGB, I², 307. Там же, библиография.

⁵³ Г. М и х а й л о в, И. Г ы л ы б о в, см. IGB, I², 307.

⁵⁴ Д а н о в, Към историята на Тракия, стр. 110 слл.

⁵⁵ D a n o f f, Pontos Euxeinos, стб. 1013.

⁵⁶ Д а н о в, Към историята на Тракия..., стр. 134; он же, Pontos Euxeinos, стб. 1144.

⁵⁷ См. Н. В e n g t s o n, Griechische Geschichte, 2 Aufl., München, 1960, стр. 399.

⁵⁸ Syll.³, 456,34 слл.; см. также Z i e b a r t h, ук. соч., стр. 23.

⁵⁹ D a n o f f, Pontos Euxeinos, стб. 1146.

⁶⁰ Некоторые исследователи (Z i e b a r t h, ук. соч., стр. 23 и 107; D a n o f f, Pontos Euxeinos, стб. 1146) причисляют к свидетельствам о борьбе против пиратства у вифинского берега Малой Азии делосский декрет II в. до н. э. в честь Малеагра, сына Змертомара из Никеи (OGIS, 344; D ü r r b a c h, Choix d'inscriptions de Delos, II, № 103), который восхваляется за услуги, оказанные эмпорам и навклерам, приплывающим в Вифинию. Как представляется, эта надпись не содержит никаких данных, позволяющих истолковывать ее хотя бы как косвенное свидетельство о пиратстве. Она подтверждает лишь наличие широких торговых связей между Делосом и Вифинией во II в. до н. э. Ср. R o s t o v t s e f f, СЕННВ, II, стр. 791.

стража, чтобы сохранить их в целости, а сами корабли использовались для плавания вдоль берегов. Едва ли приходится сомневаться, что эти плавания совершались с целью грабежа окрестного прибрежного населения.

Этот же эпизод приведен Диодором (XIV, 30, 4) в несколько ином освещении. Если Ксенофонт акцентирует внимание своих читателей на «благородстве» и честности греческого войска (товары, сгруженные с захваченных кораблей, охраняются в интересах их хозяев) и отмечает лишь, что на конфискованных кораблях совершались плавания вдоль берега, то Диодор прямо указывает, что греческое войско занималось грабежом (ἐλπίστευον) на суше и на море, грабя окрестных варваров. Заметим также, что Диодор говорит не об одном, а о двух судах (δύο πλοῦρα), взятых у трапезунтцев. Если это не является неточностью, то источником Диодора, по-видимому, был не «Анабасис» Ксенофонта, а какое-то другое сочинение о походе «десяти тысяч», автор которого не был столь панегиричным, как Ксенофонт. Может быть, автор его был связан с Синопой и ее колониями или даже выходцем оттуда.

По своему воздействию на торговое мореплавание и развитие экономических связей к пиратству в известной мере примыкает узаконенный грабеж и конфискации торговых судов, а также различного рода иные похищения, чинившиеся купцам-мореплавателям, которые были нормой международного права античных государств: каперство во время войны, снятие рудей с кораблей, захват и конфискация товаров и т. д. Однако при внешнем сходстве здесь имеются глубокие различия, вызванные прежде всего различной социальной природой этих явлений. Мы поэтому не будем их касаться в настоящей статье, тем более что они представляют большой интерес для самостоятельного исследования.

Итак, как видим, даже те разрозненные и скудные данные, которые до нас дошли, позволяют получить интересные и важные сведения о различных формах морского и прибрежного разбоя различных народов Причерноморья на протяжении ряда веков. При всех различиях понтийское пиратство имело устойчиво постоянное влияние на черноморскую торговлю, нарушая экономические связи и торговые коммуникации этого района античного мира.

И. Б. Брашинский

BLACK SEA PIRACY

by J. B. Brashinsky

The author discusses the ancient literary and epigraphical evidence on deep-sea and coastal piracy in the Pontus Euxinus in the archaic, classical and Hellenistic periods. Pontic piracy arose at the same time as Greek maritime commerce in that region. There were several permanent pirate base areas in the Black Sea in which piracy was for centuries the traditional occupation of certain socially and economically backward tribes. On the west shore one such base area was the coast near Salmydessus (the Astae); to the north on the south shore of the Crimea there were the Taurians, and in northwestern Crimea, the Sataarchae; on the eastern shore the Achaei. Zygi and Heniochi operated from the North Caucasus coast. Piratical expeditions sometimes covered long distances: the Heniochi would sail right across the sea from the east to the west coast.

Like all ancient piracy, Black Sea piracy affected economic life, in particular the development of economic ties, in two ways. It was one of the sources of slaves and it was also an obstacle to commercial shipping, disrupting trade routes. Hence the continual efforts to suppress it, in which sometimes whole states were involved (the Bosphoran king Eumelus at the end of the IV century, the Galatian king Kauaros, the Thracian Sadalas, the Bithynian Ziaelas). Piracy could not be wiped out altogether because it was a natural offspring of social and economic relations in antiquity, its «beneficial» aspect led to periodic connivance with it by interested parties.

The Greeks themselves sometimes engaged in activities very like piracy, for example during the march of Ten Thousand (Xen., An. V, 1, 16, cf. Diod. XIV 30, 4), though the social basis was different.